

18+

Анатолий Давыдчик

**Без
названия/
Вторая
война**

Анатолий Давыдчик

Без названия/Вторая война

<https://litres.ru/74395609>

ISBN 9785007110044

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Две повести прошлой, и давно забытой жизни. В реальности конечно такое не могло быть. Поэтому не судите строго. Мало ли, что может присниться автору. Часть текста взята из книг «Веселуха» и «Бешеный сапер: Вторая война».

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Веселуха	5
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Без названия/Вторая война

Анатолий Давыдчик

© Анатолий Давыдчик, 2026

ISBN 978-5-0071-1004-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Веселуха

Подвал. Сыро. Как же всё болит... Били со знанием дела, хочется кашлянуть, но больно... Попытка перевернуться набок, в полумраке вижу ещё двоих, знаю, что это два Серёги, с батальона связи, больше ничего. Полный рот крови, надо сплюнуть, куда, правильно на пол, сверху мутное толи окно, толи ещё что, с решёткой.

Итак, подводим итоги. Я в Назрани, в здании местного ФСБ. Хотя на кого они работают — сам чёрт ногу сломит, нужно учитывать местный продажный менталитет. Первая попытка присесть на шконаре не получилась, лампочку встряхнули, это точно. Спасибо отцам командирам... Ну да ладно, решаем проблемы по мере поступления.

Срочники сидят, испуганно вжавшись в стену. Оно и понятно, поездка на рынок (опять же по приказу) закончилась очень весело; ну, а я... Что я? Всё чуть позже, сейчас главное осмотреться.

Два двухъярусных шконаря и нас трое. Полторашка воды... Боюсь, что посуда с туалета, для подмывания, так сказать. Хотя на безгрудье и портупея — лифчик. Далее, превозмогая боль в руках, ощупываю карманы. Да, это не наши мусора, шмонать не умеют, сигареты в виде мятой пачки «Примы» оставили. А то, что три из них забиты, не посмотрели. Ладно, чёрт с ними... Прикуриваю, голова пошла кру-

гом, но жить можно, ещё раз плюю на пол.

— Ну что, хлопцы, с поздравляловом! — говорю я, хотя самому ни капли не смешно. Оба Серёги молчат, оно и понятно.

Начинаем думать... Итак, что мы имеем кроме пиздюлей, два проебанных автомата? Два срочника и я... Ах да, ещё красивый замысел командиров. Конечно, два тела ушли в «сочи» со стволами, ну я-то тут причём? Думай, пока время есть. Этих могут, конечно, и прикопать по-тихому, ну и меня, похоже, до кучи. А чего, я в личном деле без родины и флага, искать меня не будут, по крайней мере, они так думают. Но Вадик, майор, которого я ещё взводным по первой помню... Неужели, сука, мозги пропил, с алкашом НИСом?..

Ситуация напрягала, но вот причём тут ингуши — ума не приложу. То, что это те же нохчи, только вид сбоку, я знал... Но надо же и меру знать, под Аушевым вроде ходят...

— Что делать будем? — задаю дебильный вопрос парням. Те лишь пожимают плечами.

— Вот и я не знаю. — говорю я. — Вам сколько ваши шакалы дали, когда на рынок посылали? — спрашиваю я.

— Не, мы сами. — лепечет самый маленький из парочки.

Я лишь внутренне усмехнулся: «Конечно сами... Два срочника на БТРе, на рынок, сами... Если учесть, каким боком я к вам попал, то конечно сами, кто ж спорит?»

Документы у ин... Стоп, по порядку: меня вырубили в Ханкале... Нет, не там, раньше, вспоминай; итак, кунг ком-

бата, дорога в наручниках, потом из кузова, как мешок, в багажник... Документы либо у наших, либо тут, хотя какая разница... Можно думать до бесконечности. Допросов пока не было, да и какие в жопу допросы, ёжику понятно, потом обставятся и всё будет норма. Для них норма, а вот для нас...

Ладно... Хотя какое «ладно», хреново всё.

С этими двумя, допустим, понятно. Но меня не покидало ощущение, что я видел, точно видел нечто важное. Мелочь, но очень такую, которая и даст мне понимание, какого хрена я тут. Хотя мне от этого ни холодно, ни жарко... Долбаные братья по оружию, сколько этих ингушей полегло в первую, жуть... И теперь главное: если военник у них — мне край, там все похождения. Тем более, мои подвиги в наградном описаны чётко.

Думай, думай... Хотя, как в анекдоте, хули думать, трясти надо.

— Вас допрашивали? — спрашиваю у парней.

— Не, только били... — тихо отвечает маленький Серёга.

Скептически смотрю на них. Если и били — то так, для куража, не более. Значит убивать пока не будут, а вот продать могут. Вопрос, кому? Если копать окопы — то аминь, если на кирпичи — то небольшой шанс есть. Хотя и то, и то для пиковых не вариант: сейчас немного не так, как при Бориске, хотя...

— Парни, вас то как?

— Никак, — хрипит большой Серёга, (я для верности

обозвал их большим и маленьким) — пизды дали, в Урал, потом на буханку, глаза завязали и... А где мы? — неожиданно спрашивает он у меня.

— В мусульмандии, — усмехаюсь я, при этом очень больно что-то кольнуло, — а именно, парни, мы в стране ингушей.

— А, это где на флаге кружок с червями или крючками? — подал признак жизни маленький Серёга.

— Оно самое, — вздохнул я, пытаюсь встать, вроде не всё отбито, значит живой.

— Крепко они тебя, — с участием говорит маленький. — А ты первый раз на контракте?

— Да вот то-то и оно, что первый, — нарочито вздыхаю я. Ну не говорить же им всей правды. Правда — она штука такая, лучше держать её плашмя в заднице, до лучших времён, так сказать.

— А нас не убьют? — неожиданно задаёт вопрос маленький.

— Убьют, — киваю я, — но потом и не тут, и не всех...

Даже в полутьме было видно, как побледнели мои сокамерники. Так, наверное, вернее будет называть.

Я опять поймал себя на мысли, что умирать не охота. Вспомнил Нефеда, кореша по Первой, с нашей роты, что перешёл к чичам, и прикинул: умирать за мифическую родину или ещё что-то вроде братства или ещё как? Не, ребята, не моё. Желание жить — вот, что главное, вопрос — как, а это

детали.

Я с сожалением посмотрел на пацанов. Если мне предложат завалить этих двоих — смогу ли я? Смочь-то смогу, а вот что потом?

Размышления прервал вой с минарета, правоверных призывали на молитву. Колонка на верху башни явно требовала ремонта и хрипела, как у одного типа, которому перерезало осколком горло. При этом воспоминании я невольно улыбнулся, парни же посмотрели на меня с опаской, никак у дяди чердак поехал. Поехал или нет — посмотрим. Как говорится, будет день — будет пища. Кстати о пище...

— Парни, курите — бычки не выбрасывайте: хрен знает, что там. — предупреждаю я ребят, те просто согласно кивают.

С лязгом открывается дверь. В новеньком камуфляже, увешанный как новогодняя ёлка, боец ингушского Собрмобр, спец-пиздец летучего отряда имени кого-то почему-то, стоял перед нами во всей красе. Главное, что меня умилило — это «Муха» за спиной. Да, РПГ в подвале — это сила, но этот клоун мог запросто перепилить нам горлянку, поэтому я чуть отсел назад.

— Э, — он ткнул пальцем в маленького, — иды за мной... — и он поманил рукой...

Большой побледнел, да и я тоже.

«Началось», — крутилось у меня в голове. Говорят, что перед смертью перед глазами вся жизнь проходит. У ко-

го как, мне почему-то настойчиво хотелось бабу, и ни какую-нибудь абстрактную, а конкретную, с соседнего подъезда моего дома. Однако через пару минут маленький с блаженной улыбкой зашёл к нам в подвал неся ведро с картошкой в одной руке, а во второй пакет.

— Сидеть тихо, мне приказал рейнджер. Всё, ссать-срать в ведро, жрать дали и вот, велели дать. — и он брезгливым жестом бросил на стол две пачки «Винстона».

После этого хлопнула дверь, лязгнул засов, и наступила тишина...

— Ну что, парни, убивать нас пока не будут, — нарочито бодро говорю я, — однако хавку тянем. Завтра посмотрим, что будет...

Веселуха

В пакете оказались лаваш и курдючное сало, неплохо, жить можно, но пока. Разделив продукты на две равные части, перекусили; ели молча, разговоры были лишние, я пытался прикинуть, что мне отбили и насколько, но получалось так себе... Закурив после еды, я пытался хоть что-то сопоставить и по всему выходило, что определение «жопа с ручкой» — это более благоприятный исход. Прошло часа два или три по моим подсчётам, как в подвале послышались шаги, все непроизвольное напряглись. Дверь с грохотом открылась, в проёме стоял уже другой, постарше и поздоровее.

— Выходи! — ткнул он в меня пальцем. Видимо он решил

улыбнулся, но оскал каннибала окончательно поверг меня в ступор, на ватных ногах, как баран, я выхожу в коридор. В кино я часто видел, как избитый до полусмерти, главный герой валит конвоира голыми руками, ну-ну... Тычок в спину указывает мне направление, и чувствуя дыхание за своей спиной, я убыстряю шаг. Из подвала выходим на улицу, после подвала свежий воздух слегка бьёт в голову; на двери надпись «Управление ФСБ по чему-то там», короче по Ингушетии; два пролёта лестницы и кабинет, стол, стул (для меня по-видимому) и оппа видеокамера на треноге, кино снимать будут. За столом (твою мать, спят они в разгрузках что-ли) мужик; на столе пепельница и бутылка коньяка, неплохо для истинного мусульманина. Садись, жестом хозяина показывает он на стул. Пока шло дежурное, кто, где, номер части, откуда, кто мама, кто папа и так далее, я оглядывался, судя по плохо замытым следам крови, допрашивать тут умели, а главное любили. Наконец перешли к главному.

— Знаешь где ты? — спросил меня собеседник.

— В милиции наверное, — пожимаю я плечами, — хотя, так-то по фиг.

— А ты чё борзый такой? — задаётся закономерный вопрос.

— Да не... — я вновь пожимаю плечами, — какой борзый?..

— Сиделый? — следующий вопрос.

— Есть такое дело. — вздыхаю я.

Старшой оживился, — Э, как же тебя в армию взяли?

— А сейчас всех берут, дураков нет, вот и гребут. — как некую военную тайну сообщаю я. Далее он стал расписывать моё незавидное будущее, хотя я его и так знал, и под конец сделал мне предложение, как он думал очень выгодное.

— Ты сейчас на видео расскажешь, как продавал оружие, покупал наркотики, как ты ненавидишь войну и обратишься с призывом прекратить эту бойню...

Я смотрел на него и думал, — «совсем ты дурак, дядя, ясно же, что я скажу, что надо, подыхать или опиздюливаться в подвале в мои планы не входит, сейчас по крайней мере, а там поглядим». Начальник ещё распинался минут десять, я же мысленно аплодировал его актёрскому таланту, судя по всему, документов у него нет, значит он знает ровно столько, сколько ему сказали, а это — ничего.

— А мне что с этого? — задаю вопрос уловив паузу. Старшой даже осекся от такой наглости.

— Ты жить не хочешь?

— Я решаюсь идти, как говорится, ва-банк. — Да нахрена мне такая жизнь, без денег, без жратвы, без сигарет. Долго я тут ещё буду?

Начальник вдруг заулыбался, перед ним сидел типичный продажный русский, чтож, хочешь видеть такого, видь как говорится.

— А эти два придурка, нахрена они? Делиться с ними ещё... — гоню я волну дальше.

— Э, этих мам, пап, купят. — отмахивается начальник.

— Нормально, однако, — пытаюсь я выразить возмущение, — я сейчас тебе на камеру наговорю и чё? В расход меня?..

— Не переживай, решим. — успокаивает меня начальник, я делаю вид, что верю, тот вызывает помощника и началось... За время съёмки я успел обвинить Ельцина в содомии; признаться, что на вертолёте перегонял боеприпасы боевикам; обозвал НИСа три раза козлом, сказал, что он главный директор наркотрафика и через университет имени Лумумбы гонит чистый герыч, короче меня несло. После съёмки начальник щедро налил коньяка в пластиковый стакан, а мне стало почему-то не очень весело. Ну ладно этот дебил, но ведь есть кто-то поумнее, для кого-то эта запись нужна... Странно, но угрызений так называемой совести не было, было два варианта или молчать и сдохнуть, либо врать и выжить, выбирайте сами, господа. Почему в войну наши в плену молчали, да кажется мне, что не знали они ни хрена, вот и весь хрен до копейки. Несколько дней, а может и недель я выиграл, а там, как карта ляжет. Очутившись у себя в камере я первым делом закурил, оставшись в одиночестве, так как Серёг вытянули наверх.

Итак, этих по видимому выкупят, вопрос, Толянчик, что с тобой будет, вариантов было масса и все хреновые. Через некоторое время вернулись оба срочника, судя по лицам, их отпустило. Ох великая сила Надежда, вернее даже вера в на-

дежду, она и помирает говорят последней.

— Нас выкупать будут. — уверенно, с блеском в глазах, сказал большой Серёга, — Мы и про тебя сказали, что и ты с нами...

— Нормально, парни, отдыхаем, — говорю я, хотя и предполагаю, что часть этой записи просто сотрут, ну не разочаровывать же парней. Скоро наступила тишина, Серёги дрыхли, вероятно во сне встречая свободу, я же ворочался с боку на бок, не представляя что делать. Когда вели по коридору насчитал с десяток камер, вопрос есть ли кто, судя по тишине, отпадал, хотя... Задремав под утро я так ничего и не решил, пусть идёт как идёт, там видно будет... Сон прервали вопли с минарета, первым делом захотелось взорвать эту башню с колонкой, но не чем, поэтому я вздохнув сел и тут же проснулся от боли, отмудоханное тело ещё и затекло на нарах, поэтому бушлат, который по перемененно служил то подушкой, то одеялом, погоды не делал.

— Ну с добрым утром чтоли, — бурчу я, Серёги в ответ здороваются и продолжают о чем-то шёпотом свой разговор, я даже не прислушиваюсь.

— Толь, а ты что в камеру сказал? — не выдерживает Серёга маленький.

— А то и сказал, что всё говно и бабы — бляди и солнце — ебанный фонарь... — отшучиваюсь я.

— А серьезно? — допытывается маленький.

— А серьезно, я Родину продал, и вообще, что сказали, то

я и повторил. — говорю я. Через паузу маленький говорит, — А я Родину люблю...

— Ну и люби, кто ж тебе мешает, — усмехаюсь я, — вот на допрос вызовут — рви рубаху, ори, — «ссыте мне на грудь, чтоб морем пахло», а когда тебя ебнут, твои родители будут гордиться, что воспитали сына, героического долбоеба...

Серёга маленький даже немного завис, а я, глядя на это, продолжил, — Ты героизм свой в жопу плашмя засунь, сдохнуть большого ума не надо, а вот выжить... Цена не имеет значения, когда орден вручат, посмертно. Тебе очень приятно будет, поверь, и родакам твоим в доме престарелых потом будет чем гордиться, поэтому глохни и не трави душу!..

— А присяга? — неуверенно спрашивает Серёга большой.

— А что присяга? — хмыкаю я, — На нашу страну кто-то напал? Фашисты, блядь, под Москвой? Дяденьки деньгу рубят, а ты, как патриот, сдохни и всё, тебе оно надо, мне нет... Поэтому, пацаны, давайте оставим эту тему, каждый при своих, но подыхать я не хочу и не буду... И вот ещё, если возникнет выбор, то себя я не ущемлю, всё, проехали...

Веселуха

После допроса прошла пара дней, нас никто не трогал: по-видимому, решалась наша дальнейшая судьба; судя по всему, с каждым днём brave ингушские торговцы людьми понимали, что влетели в блудняк, и теперь ломают голову, что

делать.

Сигареты, как мы их ни тянули, имеют свойство заканчиваться, как, впрочем, и продукты. У мальцов эйфория сменилась унынием и, как я их ни пытался расшевелить, ничего не помогало. Да я и сам, если честно, находился на грани. Несколько раз кто-то проходил по коридору, замирая у наших дверей, и всё...

— Знаете, пацаны, скоро всё будет хорошо, поверьте. — в очередной раз говорил я, смотря на унылые лица. И, как говорится, накаркал.

Посреди ночи дверь распахнулась...

— Старший кто? — услышал я из сумрака коридора.

— Ну я — отвечаю кому-то невидимому.

— Пошли! — приказал голос. Я выхожу в коридор, молча следую за кем-то широкоплечим (странно, но двери не закрываются, видимо на столько уверены в том, что никто не ломанётся наружу; ладно, поглядим) ... А вот это, блин, интересно, на улице во дворе стоит джип, возле него двое в возрасте... Провожатый молча отходит в сторону, оставляя меня наедине с этой парочкой. С минуту молчим... Удар в спину опрокинул меня вперёд, хорошо что успел выставить руки. Один в костюме поднимает руку и поэтому последующих ударов не последовало.

— Скажи, баран, твоя запись? — костюм держит в руках видеокассету... Я молчу, говорить бессмысленно.

— Зачем врал? — костюм рассматривает меня, как некое

насекомое, из-за которого он вынужден отвлекаться от более важных дел. Подождав немного и поняв, что ответа не будет, он просто махнул рукой.

Били меня долго и со вкусом, периодически давая мне возможность прийти в себя. Снова били. Потом как мешок картошки сволокли в подвал и кинули в камеру. Что характерно, оба Серёги даже не попытались выглянуть в дверь. Как сидели на нарах, так и сидели.

Сквозь шум в голове я слышал, как запираются двери. После — провал... Иногда я выныривал из темноты, кто-то из Серёг прикладывал мне горлышко бутылки к разбитым в хлам губам, я сглатывал воду вместе со сгустками крови, блевал и снова проваливался.

— Не умирай, — слышал голос одного из Серёг, — наши что-нибудь придумают...

«Наши... А где они, сука, наши? — пульсировало где-то внутри, — А не наши ли сдали сюда? За что только, за что?.. Так что простите, нет больше наших, я сам за себя, наши...»

С каким-то сарказмом мелькала мысль,; «Наши хуже врагов порой. И помни, Толян, если этим двум скажут убить меня за свободу или ещё что — они убьют. Плакать будут от жалости к себе, но убьют. Поэтому не питай иллюзий: ты, если что, должен быть первым... Второго места не присуждают, это не футбол, мать вашу... Сука, из меня, если убьют, святого слепят? Хуёв дров, по масти не катишь, поэтому ду-

май!»

Хорошо конечно думать, если думалка отбита напрочь...

Не знаю сколько времени прошло, но проваливаться в темноту я стал реже.

«Значит жить буду!» — нерадостно усмехнулся я про себя, а вслух спросил:

— Есть курить?

— Не, с того дня ничего не давали. — произнёс большой.

— И сколько я в отключке? — с трудом спрашиваю у парней.

— Три дня... — почти хором отвечают они. Сука, три дня, они сидят и молчат, от страха, от обыкновенного животного страха — «вдруг хуже будет?», тем более отмудоканное тело — яркий тому пример...

— Ладно, барабань в двери. — предлагаю я парням. Те испуганно жмутся в стену и просто мотают головой.

— Ну вы совсем, — в тихой ярости бормочу я, — бараны ебучие... Бойтесь хуже будет? Да куда уж хуже, а вы готовы терпеть, лишь бы чего не вышло. Ладно...

С трудом сползаю со шконаря и чуть ли не на карачках добредаю до двери. Через силу быю раз, потом ещё и ещё, непонятно на каком ударе послышалось.

— Чего тебе?

— Слышь, командир, — хриплю я, — сигарет и пожрать надо, а то ведь рано или поздно выйду — узнают, как в Назрани обращаются...

Судя по шагам, охранник (или кто он там) пошёл советаться...

— Нас убьют. — бледный от страха шепчет Серёга маленький.

— Глохни!! — выдыхаю я, — Иначе я сам тебя завалю...

— Кто кричал? — слышу уже другой голос в коридоре.

— Я орал. Командир, дай закурить и пожрать бы надо, а то сдохнем тут на хуй...

С одной стороны конечно я нарывался, а с другой... С другой, мне реально было насрать. Меня трясло не поймёшь, от чего, больше от обиды, боли, злости... Скорее всего от коктейля этих чувств. Я был готов рвать, убивать и не важно что, а в первую очередь — убить эту парочку херувимчиков.

— Отойди от двери, — словно прочувствовал моё состояние сказал кто-то. Я отошёл к своим нарам, дверь слегка приоткрылась и на пол упал пакет, за ним следом пачка примы и коробок спичек.

— Жрите, суки русские. — ласково проговорил голос и дверь закрылась. Я подобрал пакет, сигареты и уселся за стол. Две пары жадных глаз смотрели за моими манипуляциями.

«Суки, прокатить бы вас, тварей, — внутренне усмехаюсь я, — что ж за натура такая — на чужом хую в рай заехать? А вот если бы меня прибили — злорадства бы было вагон, а теперь вот смотрят...»

Мне многое что хотелось сказать, ещё больше сделать, но,

видя перед собой эти глаза, осталось только раздражение.

— На, курите. — я кинул им две сигареты, потом залез в пакет, где было два лаваша, отломил половину под жадные взгляды и перебросил им вторую.

— Поделите сами, взрослые. -хмыкнул я. — Ладно, живём пока, убить не убили — и то хорошо.

Отломив кусок лепёшки, я размочил её в воде и стал пробовать есть, тем более жевать было нечем. Желудок сразу отреагировал резкой болью, но потихоньку я затолкал в себя четверть хлебобулочного изделия, и наконец-то закурил...

Веселуха.

Дня три нас никто не трогал. Вернее, меня: с этих-то что взять...

Я как пёс зализывал раны, а так как кроме собственной мочи из лекарств ничего не было — то после этих компрессов отёки спали, несмотря на весь мой врождённый пессимизм. С двумя своими сокамерниками я не разговаривал: просто не о чем. Оба Серёги постоянно бредили историями из домашней кухни, чем, кстати, напрягали. И я однажды не выдержал:

— Слышь, юноши. — обманчиво ласково обратился я, — А чего вы, от мамкиных пирожков в армию поперлись?

— Забрали... — проблеял большой Серёга.

— А отмазаться чё, никак? — усмехаюсь я.

— Так косить надо было... — продолжает большой.

— А вы ведь даже не пробовали. — говорю я, — А почему, знаете?

Оба просто молчат, поэтому я продолжал:

— Да потому что вы с детства привыкли, что за вас всегда кто-то решает и говорит, что делать. А сами — ни украсть, ни покарать...

— А ты сам-то как в армию попал? — решился спросить опять же большой Серёга.

— С удовольствием. — хмыкнул я, — Меня задолбало быть старшим в семье, получать не за хуй, а тем более — если ты от первого брака. Так что я знал, куда я и зачем...

Почему-то резко перед глазами встали картины недалеко-го ещё прошлого. И самое обидное — когда ты в летние каникулы в резиновых сапогах и больше нет ничего. В них и футбол, и рыбалка, в них всё. А вечером мокрой тряпкой по лицу лишь за то, что ноги в резине воняют так, что хоть мой — хоть не мой. А когда ночью от боли а суставах грызёшь подушку — вообще романтика. И не потому что денег нет. Они есть. Но не для тебя, выродка... Я хотел было сказать (но зачем и кому это надо?), как воровали в компании таких же, как барыжил чем придётся... Да это все лирика и поэтому я закончил мой типа монолог коротко:

— Не ссыте, теперь решать вам самим: у вас рядом никого нет, а на меня не рассчитывайте...

Возникшая пауза слегка затянулась и маленький Серёга всё-таки спросил:

— Толян, как думаешь, нас убьют или нет?

— Блин, Серёга, заебал ты. Убьют, нет — я сам знаю не больше твоего! — психанул я.

— Не, ну не все же у них зверьё, есть и нормальные... — как-то неуверенно, скорее для внутреннего ободрения, произносит Серёга маленький.

— Ага, они, блядь, с пелёнок воспитаны в ненависти ко всем русским и русскому, а ты ещё веришь во что-то. — отвечаю я. — Знаете, когда нас, русских, обзывают проститутками, я понимаю людей. Прикиньте, жили себе люди и жили. Резали друг друга, грабили, а тут мы со своей любовью. Россия — это как пьяная проститутка, которая ко всем лезет с признаниями в любви. А протрезвев, не понимает — как так? Она со всем, как говорится, а её поимели...

— Так что делать-то? — не выдерживает маленький Серега.

— Есть такой термин что-ли, метанойя, это по-гречески, а в переводе это переворот подсознания. Поэтому если хотим выжить среди этого блядства — включай мозги, время наверно есть...

Думали долго. А что ещё делать, если делать нечего? Даже внезапно открывшаяся дверь и пакет с объедками вперемежку с окурками и полусырой пачкой Примы не помешали процессу. Идея насчёт того, чтоб валить отсюда, перед этим завалив кого-то и забрав чего-то, была встречена со скепсисом: коллектив не тот. Надежды, что нас выкупят — так тру-

пы тоже выкупают: товар гораздо качественней и лишнего не скажет, вообще супер. Поэтому пришлось слегка приземлить парней, дабы не питали особых надежд. Я достиг своей цели, парни оживились и в них стало просыпаться то, забытое семьёй, школой и прочими общественными институтами, сознание. И, как апофеоз всему, Серёга большой стал лупить по двери, и когда кто-то спросил, мол чего, рывкнул:

— Слушай сюда: ещё раз помойку принесёшь, я вены вскрыю! Хуй тебе, а не бабло! Ебун полосатый...

— Серёга, почему полосатый? — удивлённо спрашиваю я у него.

— Хрен знает, вдруг он в тельняшке. — улыбается большой. Странно, но никаких проблем после такого хамства с нашей стороны не последовало, ну это и к лучшему. Ночью мы обсуждали и, как ни странно, строили планы на будущее; действительно, надежды питают не только юношей.

Утром же охранник (или кто там), вероятнее всего терзаемый любопытством, решил зайти к нам и предложить поработать. На мой вопрос «что надо?» он объяснил, что суть всего — это уборка внутреннего двора, так как ждут высокое начальство, а начальство во все времена любит чистоту. Не за так, а за полноценный обед, ну и сигареты. Я же набравшись наглости, потребовал заварить чай. И после того, как авансом нам был доставлен чай и сигареты, мы, как истинные патриоты, очень гордо согласились.

Вдыхая свежий воздух, работу на час мы старались рас-

тянуть как можно подольше. Нас никто не охранял. И верно: какой смысл? Убегать то некуда. Подошедший мужик в штатском представился мимоходом, что он теперь выполняет обязанности кого-то там по какому-то хрен поймёшь округу. Я набравшись духу, задал один единственный вопрос:

— Ну, и чё нам ждать?

Тот чисто по-мусульмански (то есть под крышей навеса и в кулак) закурил и объяснил суть:

— Значит так. Вас нет, в военной прокуратуре вы как де-зертиры. В списках части вы есть, но в командировке. У нас вы есть, но так вас нет. Прокуратуре вы не нужны: вас легче списать. Продать вас некому, даги нынче осторожны. Рабы им нужны, но и мне моё место дорого. Тем более, уважаемые люди поставили... Так что сидите пока...

В состоянии ступора я спустился в подвал. Так как проблема с сигаретами пока решена, выкурил сразу пару штук. То, что мы как говно в проруби — это понятно. Но так же и понятно, что дальше продолжаться это не может. И всё же, мне настойчиво не давала покоя мысль, что я что-то важное видел, слышал, но вот что... А то, что побои не прощу — это факт. То, что убивать не собираются — это полтинник на полтинник, горцам веры нет от слова «никогда». Поэтому будем ждать. Тем более, в нашем случае ничего и не остаётся...

Веселуха

Неделю мы, словно подзабытые всеми, валялись на шко-
нарях, развлекаясь ловлей вшей. Всё, что можно, уже было
рассказано и пересказано, поэтому редкие выходы на убор-
ку воспринимались как подарок судьбы. Положение наше не
улучшилось и не ухудшилось, просто было никакое. Время и
вправду шло, но не на допрос или даже просто на беседу нас
не вызывали. Я мысленно перебирал по минутам прошлое,
ища зацепку хоть для какого-то объяснения ситуации, и не
находил. К концу недели один из охранников подарил нам
колоду карт и мы от скуки учили маленького Серёгу карточ-
ной игре «терц».

— Я иначе плен представлял. — промолвил Серёга, при-
стально следя за моей раздачей.

— Это не плен, это хрен просышь что — поддакнул я.

— Интересно, что дальше? — проговорил Серёга, — Не
может же это вечно длиться.

Я молчал. Неопределенность — она всегда хуже, чем даже
есть, и рассуждать на эту тему можно было бы бесконечно,
но только смысла никакого. Ещё через пару дней надоели и
карты, и вообще всё. Иногда открывались двери, нам кидали
пакет с едой, парни выносили парашу и всё. То, что коман-
дование нас списало, я не сомневался, тем более всем было
плевать, а уж нам и подавно.

Но однажды дверь распахнулась...

— Принимайте! — рявкнул кто-то и возле нас призем-

лился пацанчик лет двадцати пяти. Вскочив с бетонного пола, он ошалело осмотрелся и увидев троих в форме, пусть грязной, оторопел.

— Вы кто? — не нашёл ничего лучше спросить новый постоялец.

— А хрен его знает, живём мы тут, — откровенно забавлялся я. Парень вжался в стену и прошипел, — Я — воин Аллаха... Я...

— Бывает... — пожимаю я в ответ плечами. Бравый воин тщетно пытается что-то осмыслить, но видно не судьба, да и с мозгами не всё ладушки, ибо идти, как говорил один мой знакомый, с голой жопой на танки, это надо великий ум иметь.

— Я вас резал как баранов, — заводит он песнь о главном.

— Слушай, заткнись, а!? — прошу я его. — Ну резал и резал, всяко бывает, и чё теперь? Поэтому заткнись, посадили — сиди, тоже мне, Аллах Акбар. Сдавай, Серёга, — предлагаю я и мы демонстративно садимся играть в карты.

У нашего горца выиграла гордость вперемешку с обидой, поэтому он сел на корточки возле двери. «Ну-ну, — думал я, — интересно, на сколько тебя хватит?» Мне даже стало интересно, когда поклонник придурюшного пророка прозреет. Через пару часов наш гость начал вставать, потом приседать, физиология — она штука такая. Удары в дверь остались без ответа, а мы втроём уже откровенно потешались над товарищем.

— В туалет надо. — наконец-то вымолвил абрек.

— Вон в ведро — сходи. — ответил Серёга маленький и подмигнул, почему-то мне. Сходив по малому у гостя возникла проблема, под названием гигиена.

— Дай воды! — и он протянул руку к пластиковой бутылке.

— Охренел совсем? — рявкнул уже большой Серёга, — Тут пить нечего, а он залупу мыть... Иди на хрен!

Может быть в другой ситуации у парняги и были бы варианты, но один против троих, и поэтому он не рискнул. До ближайших воплей, вернее призывов на молитву, он просидел молча, лишь с ненавистью поглядывая на нас. Как только раздались вопли, наш гость воздел руки и забормотал что-то своё, одновременно подглядывая за нами из-под полуопущенных век, вероятно, чтобы мы оценили его рвение. Мы и оценили.

— Хорош мычать, осёл, — рявкнул я, — жрать будешь? Или ну его на хрен?

В абреке боролись два чувства, голода и понтов. Победил голод. И он, с видом мученика сел за стол. Каждый кусок лепёшки он осматривал, словно ему дают, как минимум мышьяк, но через минут пять он вымолвил.

— Я — Рашид.

Через минуту опять повторил:

— Я — Рашид.

Мы сосредоточено молчали, только Серёга маленький жуя

пробормотал:

— Рашид — и хуй с ним, пусть будет Рашид...

Наш горец, по-видимому находился в глубоком ступоре, — как, его, храброго горца, игнорируют, да это же ни в какие ворота, поэтому он выпрямил плечи и, сверкая глазами, гордо произнёс.

— Я — вайнах!

— Да хоть кто, мне то что?! — проговорил маленький.

— Ты не понял... — начал было горец.

— Это ты не понял! — прервал я его, — Нам насрать кто ты, что ты, вообще пофигу. Поэтому, если ты тут, ты такое же мясо, и если ёбнут, будешь Магомету своему чесать про то, какой ты охрененный воин.

После этих слов горец Рашид залез на единственную шконку наверху и затих.

— Слышишь, нохча, — говорит ему вслед маленький, — ты, ежели ссышься, то скажи, а то я с детства море не люблю.

Ночь прошла спокойно, все делали вид, что все нормально. Рашид явно маялся от тоски и ближе ко второй серии воплей с минарета наконец-то спустился с небес на землю.

— А вас за что? — спросил как бы невзначай он у меня.

— И тебе доброе утро. — отвечаю я, — Тебе ли не по хер? Мне вот лично оранжево, за что ты тут...

— Я ваших резал, — начинает он опять старую песню о главном.

— И чё? — спрашиваю я в упор глядя на него. — Мне

можно бояться?

— Да нет... — пробормотал гордый горный питекантроп и стал рассматривать нас с любопытством. Замкнутое пространство имеет одно нехитрое свойство, оно сближает и, как следствие, тянет на откровенность. Вот и Рашида пробило к вечеру...

Из его рассказа стало понятно, что воевать он приехал аж с Москвы, потому что дядя позвал. А так как он мужчина, он должен защищать свою родину. А тут сестра замуж выходит в Назрани, он с гор, а его тут и повязали. Но его выкупят, Аллах свидетель.

Прослушав выступление, я усмехнулся:

— Знаешь, ты — дебил. Погоди не обижайся. — я примирительно поднял руки ладонями вверх. — Ты родился в Москве, жил в Москве, ну и на хрена козе баян? Что-то с казахии не больно до хуя приехало. А дядя тебя позвал, он же тебя и слил, причём за бабки, и выкупать тебя никто не будет, тебя отдадут нашим, а на фильтре тебе и почки опустят, а может и просто опустят. Ты не кипишуй, подумай, время есть...

Рашид, как говорится, словил обиду и ушёл в себя. Я же, выкурив сигарету, только приготовился ко сну, как вначале раздался шум в коридоре, потом распахнулась дверь. В масках и новомодных горках стояли люди с автоматами.

— Выходите, все! — сказал кто-то и показал стволом на выход.

«Ну, вот и всё», — мелькнуло у меня в голове... Веселуха

На улице, а вернее во дворе, нас просто и без затей поставили к стене; автоматически я развернулся, так и есть, стоят молча, в масках, автоматы с ПБС нацелены на нас. И от того, что всё происходило в тишине, стало не страшно, нет, просто жутко; ноги стали деревянными, во рту сухо, если ступор выглядит так, то значит он и был, я почему-то смотрел и видел трещину в фундаменте и думал о том, что ленточный фундамент — полная хрень, не было ни паники, ничего, я просто перегорел. И в то же время где-то глубоко во мне поднималось толи бешенство, толи ещё что, но желание жить, естественное для всего живого, начинало наполнять всё моё естество.

— Стреляйте, шакалье! — услышал я почему-то спокойный голос Рашида. И этот спокойный голос словно вывел меня из оцепенения; я поднял глаза и мы встретились взглядом... Картина, блин, маслом: два Серёги, оперевшись, лбом в стену и впереди них с хищной ухмылкой нохча.

— Пацанов не трогай! — уверенно говорит Рашид. И тут я сделал то, о чем даже в самом паскудном сне не мог представить. Я просто встал рядом с моим, по факту, врагом, но вот вопрос, по чьему факту. Но сейчас мы стояли рядом, единое целое, и между нами, основанное на простом хотении жить, и рождалось боевое братство, не плюшевое, основанное на принадлежности к какому-то роду войск, или чему-нибудь,

а то настоящее, как по Кипплингу, «мы с тобой одной крови». Это потом, спустя время, я понял, что именно этот шаг, когда я встал рядом с ним, и стал той точкой невозврата, как любят говорить многие. Даже потом, встречаясь, мы никогда не вспоминали эту ночь, да мы вообще ничего не вспоминали. И когда ты, Рашид, уходя от Востока, уже много лет спустя рванул и их и себя гранатой, никто не повесил мемориальную доску и никто не назвал тебя героем, ты был, брат, просто сепаратистом. Как говорится, не на тех поставил, за независимость нужно бороться на чужой территории, главное как мантру талдычить «хочу в Россию» и ты будешь в шоколаде. Джохарка — глупый малый, ему халифат (или чего он там хотел) надо было начать строить хотя бы в Грузии, но в составе России, и было бы всё иначе: и пели бы песни, и «ихтамнет», и многое другое. Главное, поддерживать национальный русский бред, под названием «враги, кругом враги». Ну это всё после, а тогда, мы, как два зверя, стояли и смотрели, просто стояли и ничего не предпринимали. Возможно маски, что стояли напротив, ждали, ждали резких движений, но время шло... Наконец-то кто-то из окна второго этажа что-то выкрикнул на птичьем языке и нас так же молча отвели в подвал. Никогда не думал, что я смогу радоваться своей камере, чем больше отпускало напряжение, тем больше переполняло чувство истерического восторга.

— Толян, что это было,? — посиневшими губами шептал, как заведённый, Серёга маленький. Я, без слов, лишь всу-

нул ему прикуренную сигарету, которую тот, словно сомнамбула, выкурил в три затяжки и, лишь, когда обжёг пальцы, вздрогнул и через секунду истерически захохотал. Рашид же спокойно подойдя ко мне протянул руку, я пожал её, и в этом пожатии было гораздо больше, чем во всех речах вместе взятых. Просто, перешагнув через какую-то черту, мне лично стало многое понятно, страх смерти он никуда не ушёл, он остался, но понимание не то что ты умрёшь, а как ты умрёшь, вот самое главное, и поэтому всякий бред, типа совести, душевных терзаний, я оставляю вам, господа моралисты.

— Ну, Рашид, как жить будем? — спрашиваю я у своего нового друга.

— Молча. —

усмехается тот. Поговорить надо, но... — он кивает на парочку, которая ещё и не осознала, что только что могли быть списанными в утиль. Я киваю в ответ. Рашид прав, эти двое сдадут за просто так, ради того, чтобы лишний день прожить, но я их и не осуждаю, хрен знает как бы я повел себя.

«Вот сука, жизнь, — думал я про себя, — если бы мне сказали, что наши меня продадут... Стоп! Какие в жопу наши, они теперь враги, и Рашид, по сути враг, но свой, а те... Я, усмехнувшись, вспомнил доблестное командование батальона. Чужие враги. Нееет, поговорка, мол тот, кто положит душу за друга и так далее, не ко мне и не сейчас, оставим это замполитам, у нас другие планы, более веселые. До утра мы не спали, лишь изредка курили, передавая сигарету друг

другу. После утренних воплей и призывов на молитву, к нашему удивлению, Рашид даже не дёрнулся, он просто сделал вид, что его не касается. Вскоре нас позвали на уборку, по молчаливому согласию мы вдвоём отказались, Серёги тоже, вроде как не горели желанием, но, нарвавшись на наши взгляды, решили не искушать судьбу. Как только за нашими парнями закрылась дверь, Рашид сразу приступил к делу.

— Короче, валить надо, ты со мной?

— С тобой то тобой, но я во-первых, не знаю куда, во-вторых, не понимаю как. — начал я, но Рашид, как истинный заговорщик, наклонился и зашептал. Чем дольше я слушал этот бредовый на первый взгляд план, тем больше крепла уверенность в осуществлении этой авантюры.

— И главное, — продолжил Рашид, — если уходить, то на тачке, и корыто брать дешёвое русское, импортное — не вариант, ты у нас на Кавказе автосервисов много видел?

Я пожал плечами, уж чего, а это тут большая редкость.

— Так вот, — продолжал мой новый друг. — валим в Моздок...

Тут уже слегка оторопел я.

— Там же русских полно? — сказал я и поймал себя на мысли, что уже не отождествляю себя ни с кем, — я окончательно выбрал, теперь я просто сам за себя.

— Так там и наших до хрена. — Рашид уже разговаривал нормально, видимо долгое пребывание в России дало о себе знать. — Если хочется, но не знаешь где, делай на самом

видном месте, вор, когда ворует на базаре, больше всех кричит: «держите вора!» Так что, Толян, давай, думай свежим мозгом, так сказать, за стволы не парься, тут этого добра, как грязи...

Насчёт оружия я и вправду не шибко переживал, так как знал, где взять и сколько.

— Да и ещё, тут в основном кумыки на смене, поэтому, если даже что, то ничего страшного. Если бы лакцы были, тогда другое дело. — начал потихоньку посвящать меня в свои межродовые хитросплетения Рашид.

— Чёрт ногу сломит у вас. — буркнул я и приготовился слушать...

Веселуха...

Через пару часов я окончательно запутался, кто, где, с кем, и для чего. Поэтому решил просто, валить надо однозначно, а вот кого валить — не важно...

— Рашид, я ведь в душе пацифист. — обратился я к новому другу.

— Так и я тоже маму с папой люблю. — кивнул Рашид и продолжил. — Уходить надо через осетин, там своя власть, поэтому до Моздока проскочим...

— Хрен там, — сомневаюсь я, — местные — не дураки, поэтому рвём в Чечню, в саму не надо, а вот направление верное...

Рашид на секунду задумался, потом кивнул,

— Хоп, только дядю, суку, увидеть надо...

Я внимательно посмотрел на горца, блин, вроде москвич уже, прогнать должен, а всё равно всякая ересь типа мести, лезет наружу...

— Вот тебе делать нечего. — вздохнул я, — У дяди твоего из-за того, что ты сдристнёшь, проблем будет, а ты всё сам да сам...

— Я мужчина! — завёл свою песнь Рашид, — Я должен...

— Никому ты ничего не должен, — как ребёнку начинаю втолковывать ему я, — ты родителям должен за то, что жизнь дали и всё, остальное — по боку. А род твой, поверь, не самый богатый и продаст тебя безродного, так что успокойся...

Рашид после этих слов насупился, запрыгнул на пальму и затих. Я не вмешивался, пусть сам думает. Хотя сколько таких дураков повелось на сказки о светлом будущем и сгинуло. Халифат, коммунизм, национализм — не суть, как назовёшь... А вот ощущение того, что тебя приблизили по признакам, непонятным никому, грело душу. И шли малолетние дебилы с криком «даёшь!» не важно за кем. А, если им втереть, мол, ребята, вы историю делаете. Всё, блин, тушите свет...

— Да, но это моя родина... — начал Рашид, свесив голову с верхней кровати.

— Стоп. — обрываю его я, — Ты где родился?

— В Москве, а при чем тут это? — недоумевает Рашид.

— Вот, значит ты москаль и родина твоя — Москва. И не

еби мне мозг, лучше думай, как срываться будем.

— Аллах поможет... — как-то неопределённо буркнул Рашид.

— А по конкретней можно? — спросил я, но мой друг демонстративно отвернулся и вскоре захрапел...

Побыть наедине со своими мыслями не получилось — возле меня материализовались два Серёги.

— Вы чё удумали? — трагически округляя глаза спросил меня Серёга маленький.

— Бежать, мой юный друг, бежать. — наслаждаясь его испугом отвечаю я. Глазенки у обоих Серёг заматались... Надо же, что за народ пошёл — его убивать будут, а он, сука, молчит. Откуда такая рабская покорность, откуда? Твоему другу горло резать будут, а тебе по кайфу. Его первого, а тебя вдруг пронесёт.

— Я не побегу, нас выкупят... — прошептал маленький.

— Заткнись, кому ты на хуй нужен? — опускаю я его на землю, — С тебя взять нечего, как у латыша — хуй да душа. И даже не думай, — усмехаюсь я, — ну пойдёшь ты, сдашь меня, ну ёбнут нас. Тебе ружжо дадут и будешь ты вертухаем. А чё, милое дело...

Судя по бегающим глазам маленького Серёги, я угадал. Не только угадал, а именно бил, как говорится, точно в цель.

— Так что дерзай, — продолжаю я, — тебе бабёнку дадут ещё, нохчанку горбоносую, обрезание замастырят, будешь Саидом. А чё, романтика...

Все замолчали... И всё же, большой не выдержал первый.

— А ты ему веришь? — спросил он, кивая на верхний шконарь.

— Нет, конечно. — усмехнулся я, чем окончательно добил своих сокамерников.

— А как же?.. — начал большой Серёга и осёкся, так как я просто положил руку на его плечо и буднично продолжил,

— Как? Ты спрашиваешь, как? Каком кверху. Так проще, поверь, когда ты изначально настроен на самое худшее — тебя трудно выбить из строя, зато всё хорошее воспринимается острее и от этого приятственней чтоли, поэтому не парься...

— Ну так же нельзя, жить и никому не верить... — с каким-то внутренним жаром шепчет большой Серёга в ожидании от меня ответа.

— А как можно? Нас слили, и причём свои. Вернее, те кого я, допустим, считал своим... И что теперь? Есть два прекрасных варианта сдохнуть: либо тут, либо вывезут тебя и всё. Да, и надежда, маленькая такая, хиленькая — это вот на этого черножопого. Эй, полунохча, вставай! — я быю кулаком по шконарю, Рашид делает вид что проснулся, потягивается и произносит,

— Я не черножопый и поэтому заткнитесь на хуй. Вы мне скажите, только честно, почему вы так ссыте с нас, кавказцев? Я вот бухой могу на хуй послать любого, даже в Москве, и все промолчат. Я у вас дома чувствую себя, как хозяин, а вы никто. Да вы и есть никто, меня даже мусора не тормо-

зят... Да хули вам говорить, вы — бараны, и этим все сказано. И то, что мне теперь с вами выбираться, я не в восторге, но у меня выбора нет. А то, что вы втихаря бормочете, мол, «чурки понаехали», а сами нам готовы сапоги лизать — так это так и есть. И рано или поздно вы будете рабами, хотя вы и есть рабы!..

— Ты всех не греби. — огрызаюсь я в ответ.

— А что ты и подобные тебе сделают? — откровенно удивляется Рашид. Да мы тебе ничего делать не будем, мы будем строить твоих таких же русских и говорить, что это из-за тебя. И поверь, они же тебя первого и ёбнут, лишь бы их хоть денёк не трогали.

Выпалив всё это, Рашид замолчал. Я тоже не стремился к продолжению разговора, тем более, во многом этот дитя гор был прав. Откуда этот страх перед чёрными, откуда рабское пресмыкание и многое, многое «откуда»?..

— Ладно, проехали, нам бы не проморгать и не проспать. — миролюбиво произносит Рашид, — Главное — вы решите, готовы или нет...

— Мы не побежим. — произносит Серёга маленький, большой просто кивает в знак согласия.

— А куда вы на хрен денетесь?! — вздыхаю я, — Побегите или тут ляжете, выбор богатый...

Этот мой ответ словно прекратил все споры, отмёл сомнения... Да не важно, что он сделал, главное то, что теперь, как говорится, без вариантов, до талого... Теперь только ждать.

Если бы возможно было предугадать будущее хотя бы на пять минут, то я уверен, многого можно было избежать. Но кто ж знал, что именно сейчас, на небесах или где, какой-то шутник пустил таймер отсчёта и теперь уже все, нет ни вчера, ни завтра, есть только сейчас, и это «сейчас» неумолимо приближалось...

Веселуха

Утром мы все проснулись от шума в коридоре, гортанная речь перемешивалась с русским отборным матом. В замешательстве мы смотрели друг на друга не зная, вернее не понимая что делать. Первым опомнился Рашид, он рывком соскочил к двери и пару раз что-то спросил на своём, ему к нашему удивлению ответили и они минуты три разговаривали через дверь. Значит так, вводит нас в курс Рашид после переговоров, повязали ваших танкистов. Они на рынке с похмелья ларёк разбили, ну и продавщицу грохнули, ингуши их повязали. С армии их ещё вчера уволили, теперь тут судить будут, в коридоре мой родственник на охране. Вернее он на сестре племянника моего брата женат...

— Короче, не томи, — перебиваю я его, — что делаем?

— А теперь главное, — будто и не замечает моего выпада Рашид, — за ними. — он кивает на Серёг, — следак с Моздока приедет, а ты никому не нужен, думай.

Хоть я и предполагал такой вариант, но все равно на пару секунд потерялся, осознавать то, что тебя списали (причем

живого), совсем мягко говоря было неприятно.

— А про тебя что? — задаю я идиотский вопрос.

— А все просто, останусь один, поделят боевичье, ну и зарежут. — на удивление спокойно произносит Рашид.

— Варианты есть? — спрашиваю я; почему-то после небольшого «нокдауна» голова стала лихорадочно соображать

«Нет, суки, так не пойдёт! — тучало в голове, -Хрен вам по всей морде, а не Толяна!» Но вслух я произнёс, — Ну?

— Как вы говорите, хуй гну. — отвечает Рашид и пристально смотрит на меня. В этом взгляде было все: и ненависть, и отчаяние, но главное, звериная решимость. Наверное так смотрят загнанные звери или крысы, считайте как угодно, но желание жить, вопреки всему было настолько сильным, что стало даже потряхивать и, если уж помирать (а это все равно неизбежно), не важно где, важно как...

— Уйдём, когда за этими придут, — кивнул на пацанов Рашид. Я просто кивнул, предстояло самое мучительное — это ждать; настроение менялось, как маятник, от глухой паники, до одержимости, да ещё Серёга маленький действовал на нервы своим постоянным — парни, все будет хорошо, это ошибка и так далее по списку. При этом на лице сияла плохо скрываемая улыбка радости от того, что он будет жить и поэтому фальшивое, типа, участие напрягало. Наконец с минарета прохрипела колонка, значит всё, на сегодня последний намаз, тишина прерывалась только дыханием моим и Раши-

да, я молча выкрошил бычки в кусок газеты; Рашид молча протянул руку, и эта вонючая самокрутка сказала больше, чем клятвы и прочая хрень, она стёрла все: и вероисповедание, и национальности, — напротив дверей стояли мы — единое целое, заточеное на все что угодно, только не подыхать в вонючей камере. Шаги в коридоре заставили вздрогнуть Серёг, но только не нас, мы ждали, просто ждали. Танкисты в дальней камере продолжали чего-то требовать, дураки, в жизни бывают моменты, когда нужно не просить или требовать, а нужно брать... Ключ в замке с каждым поворотом словно разжимал в нас пружину..

— Ходу!!! — ору я, как debil, и мы выносим двери; ошалевшие глаза пьяненького капитана; и Рашид, сидя на своём наверно родственнике, бьёт того головой о пол.

— Слушай, сученок, — я хватаю за грудки капитана, — ты за этими? — я киваю на бледных срочников.

— Да... — выдыхает капитан.

— А заберёшь нас. — утвердительно говорю я, — Раш, ты как?

— Норма, уходим. — хрипит он. Следующие пять минут были, как обрывки: капитана и двух одеревеневших срочников, как баранов, выгоняем на улицу (вернее во двор); часовой не успел дыхнуть на нас перегаром, как Рашид буквально сносит его с ног. Ощущение странное. Понимание свободы и того что обратного хода нет, а главное полное непонимание, что делать.

— Извини, капитан, — говорю я следaku и отправляю его поспать.

— Не перебрал? — спрашивает Рашид, тем временем вскрывая потасканную семёрку.

— И хуй с ним, не сдохнет, — отвечаю я, — погнали быстрей.

— На, держи, — Рашид кидает мне АКМ часового, затем разгрузку. «Уж чего — чего, а мародерить их учили или это у них в крови?! — почему-то подумалось мне. Если бы я не знал, что сейчас нахожусь в столице непонятного княжества, то иллюзия нахождения в зачуханном райцентре центральной России была полной. В таком городе надо родиться или долго жить, так как варианты куда ехать по темноте нулевые. Однако Рашид уверенно вёл машину какими-то дворами. Начинало проходить напряжение, а взамен ничего. Что, куда, как, ничего не ясно, но судя по напарнику, он точно знал что делать.

— Приехали, вдруг сказал он, остановившись в темноте...

— Сигарету бы, — почему-то произнёс я.

— В бардачке возьми. — усмехнулся напарник, и заранее не дожидаясь моих вопросов продолжил. — Мы что, не люди, — и курим, и пьём, но знаем где и с кем, так что, как ты говоришь, все просто...

Я шарю в бардачке, опа на, «Мальборо», ну конечно, что ещё гордый кавказец курить должен, не «Приму» же...

— Кури и пойдем, тут братья наши...

Я не задаю вопросов, жизнь вообще отучила много спрашивать, если не хочешь быть обманутым, никогда не спрашивай. Я выкуриваю сигарету, рывком выкидываю её.

— Пошли, перед смертью не надышишься...

Стук в ворота частного дома, языка я не понимаю, но судя по интонации, пока все нормально, хотя это скорее всего для самоуспокоения. Дом как дом, каких я повидал немало, что в первую, что теперь; проходим в большую комнату, там человек десять и все кто с чем — мой АКМ выглядел как-то сиротливо. Десяток пар глаз осматривают меня с головы до ног, странно, но ненависти нет, больше презрения, замешанного на любопытстве. Пока мы осматривали друг друга Рашид что-то рассказывал, но, по видимому, никому это особо было не интересно, поэтому один самый возрастной, лет сорока, просто сказал.

— Присаживайся, сегодня ты наш гость и друг Рашида.

— Я счастлив. — не удержался, чтобы не схамить в ответ. Веселуха...

— Ты не хами, не дома. — брезгливо цедит старший, — Мне брат сказал, тебя свои продали как барана, — даже не спросил, а просто озвучил эту истину бородатый и продолжил. — Ты в первую был? Не ври, мы всё равно узнаем, военкомы тоже кушать хотят.

Я выдержал небольшую паузу и ответил:

— Хотите — пробивайте, дело ваше...

— Ты зачем сюда приехал? Не ври, честно говори...

Старший, по видимому, ожидал ответа из серии «послали», но я сбил его с толку простым ответом:

— За бабками приехал. Где ещё на халяву заработать можно?!

Остальные уже с некоторым интересом стали прислушиваться к разговору.

— А почему не к нам? — спросил мой оппонент.

— Не звали. — пожал я плечами.

— Иди в комнату, мы подумаем. Рашид, проводи! — приказывает старший. Мы молча поднимаемся на второй этаж, комната по всему, как перевалочный пункт — диван и все. Но всё лучше, чем в подвале.

— Отдыхай, — говорит мне Рашид. — сейчас пробьют за тебя и решат.

Я опять пожимаю плечами и просто заваливаюсь на диван. Ни думать, ни говорить не хотелось: ну как объяснить этим товарищам, что в первую я был под уже забытой мной фамилией и что паспорта, как и жизнь, имеют обыкновение меняться. ЗАГС, фамилия жены, новый паспорт теряется, делается новый, через месяц опять теряется и всё. Старые лежат там, где надо, новый — рабочий. Многие скажут, мол, пробить могут, я вас умоляю... Многие ППСники только этим и занимаются; а в кассах так вообще поголовно пробивают, делать им больше нечего. Так что пробивайте, господа

хорошие, вам же даже на ум не придёт (хотя откуда ум то?), что мужчина может носить фамилию женщины. Если спросить на хрена я вообще это делал, то можно конечно причесать про интуицию и прочее, но я отвечу проще: хрен его знает, наверное потому, что я не верю никому и просто всегда готовлюсь к самому худшему. Но вот к такому, честно, не готов, и поэтому нужно думать, крепко думать. Ближе к обеду мне принесли поесть. Что ж, и на том спасибо. Раз не убили сразу — значит поживём. Я успел и поесть, и покурить в окно, и подремать, как ко мне пришёл Рашид.

— Как ты? — с наигранной заботой спросил он у меня.

— Твоими молитвами... — усмехнулся я и тоже спросил, — Долго ещё тут?

— День, может два. — произнёс Рашид, усаживаясь рядом, — Уходить на Моздок будем, на блокпост дядя заступит, там и проедем.

— Дорого, наверно, берёт? — хмыкнул я.

— Не дороже денег. — парировал Рашид. — Мы тут все как одна семья, и это наша родина.

— Не смейся меня, Раш. — завёлся я, — Просто объясни мне, какого хрена вы все в Россию претесь? Правильно, бабла то нету, а без русских вы ничего не можете, вы даже построить толком и то не умеете...

— У меня дядя — строитель. — даже как мне показалось огорчился Рашид.

— Умение месить раствор и забить гвоздь — не показав-

тель. — говорю я. — У него образование какое?

— Он школу всю закончил. — с гордостью произносит Рашид.

— Это в корне меняет дело. Закончил, да ещё и всю, это сильно. — говорю я, но собеседник словно не замечает моей издевки. — Все ваши, как ты говоришь, родственные связи, они, братка, на бабле замешаны, поэтому не надо «ля-ля».

— Это почему? — побагровел от гнева Рашид.

— Так, спокуха! — успокаиваю я его как могу. Начнём сначала: ты сейчас живёшь в Москве, так?

Он утвердительно кивает.

— Специальности у тебя нет, образования тоже. — утвердительно говорю я, — И, судя по всему, ошиваешься у какого-то родственника на фирме, так?

— У дяди друга. — говорит Рашид, потихоньку начиная понимать о чем речь.

— А у вас всегда так: стоит одному зацепиться — он начинает подтягивать других. А эти другие обязаны ему и, если он попросит, то вы, правильно, сами себя в жопу отымете, но сделаете. Так вот и с тобой, не сам же ты на историческую родину припёрся...

Выпалив все это я закурил, коря себя в глубине души за этот выхлоп.

— И чего теперь? — ещё до конца не догнал Рашид.

— А ничего. Если бы ты, ещё кто-нибудь, послали бы своих рулей — то вся эта бодяга закончилась. Почему дядя не

воюет? У него, сука, бизнес, а ты давай, пиздуй, голодранец, сдохнешь — и хуй с тобой, в рай без очереди. Только вот на хрена тебе, покойнику, рай со шлюхами, ума не приложу...

Рашид задумался на пару секунд и выпалил:

— А ты, ты зачем? Тебе для чего?

— А у меня выбора много? — усмехнулся я. — Это тебя твои соплеменники накормят, хотя бы в долг. А у меня задача в семье номер один — куда бы спихнуть этого выродка... Короче, дело к ночи... Когда поедем, конкретно можешь сказать?

— Сам не знаю, Вахид должен сказать. — отвечает Раш.

— Понятно.

Вот я и имя старшего знаю, не бог весть полезная, но информация.

Потрепавшись ни о чём, собрались расходиться.

— Знаешь, я хотел бы потом встретиться, когда всё это закончится. — произносит Рашид.

— Встретимся, обязательно встретимся. — утвердительно говорю я, ещё даже не подозревая насколько я прав. Поужинав я завалился спать, напряжение понемногу отпускало. Сквозь сон слышались подъезжающие машины; что-то грузили, или выгружали, кто-то пару раз заглядывал ко мне в комнату, а мне было плевать, впервые за долгое время я решил выспаться... Веселуха...

А вот утро началось внезапно и даже очень, я бы сказал.

Сначала во дворе дома громыхнула граната, судя по мощности, РГД. Спросонья я пытался первую секунду нащупать несуществующий автомат, но второй взрыв окончательно разбудил меня, да и не только. Вопли на непонятном языке только усиливали тревогу, сверху раздалась короткая очередь из автомата и понеслось... Хуже всего ощущать себя абсолютно беспомощным, лёжа у стены и молить всех богов, чтобы в окно не прилетело что-нибудь существенное. Сколько длилась эта котовасия — не скажу, так как время в такой свистопляске — штука относительная.

Но вскоре дверь распахнулась, на пороге стояли Рашид и Ваха.

— Живой? — крикнул Рашид.

— Нет, блин, помер. — пробурчал я, втайне радуясь что хоть кто-то вспомнил. — Что за херня? — задаю я вопрос, хотя чего греха таить, ответ уже ясен.

— Нас предали! — на выдохе, как страшную тайну, сообщает мне новость Рашид.

— Да ладно??! А я думал, немцы напали. — со злостью говорю я. Почему-то ощущение какой-то нереальности происходящего и злобы ко всем (а к себе — больше всех) не то что переполняло, а захлестывало.

— Короче, валить отсюда надо. — говорю я — Ствол есть?

Эта парочка вместо внятного ответа затеяла спор. Суть я уловил сразу и поэтому заорал:

— Слышь вы, недоделанные! Потом будете спорить «верный — неверный», а сейчас валить надо! Понимаете? валить!!

До этих детей гор с трудом, но все-таки доходит происходящее, поэтому Рашид выбегает из комнаты и через пару минут у меня в руках «весло» и три спарки — мама родная, сорокапятки. Беру у Рашида нож, разрезаю изоленту...

— Ну, господа, мне срать, кто там, вопрос — ход из дома есть?

Рашид мнется и смотрит на Ваху.

— Есть. — наконец-то рожает тот.

— Ну и какого хуя сидим? Погнали. Кстати, тротил есть? — осеняет меня одна мыслишка.

Две пары глаз смотрят с полным непониманием.

— Так есть или нет? — в нетерпении спрашиваю я. Судя по звукам, времени у нас хрен да маленько, массивные ворота просто вырвут и аминь, а эти...

— Ну есть или нет? — повторяю я вопрос.

Ваха кивает.

— Тащи давай. — командую я. Как-то само собой получилось, что командование перешло ко мне; разбор как и почему оставим на потом, а пока, наблюдая как Ваха тащит спортивную сумку с шашками тротила, я быстро старался прикинуть все варианты.

— Куда ход твой выходит? — спрашиваю я у запыхавшегося абрека.

— За дом, а там сосед, но его нет... — отвечает Ваха.

— Все, валим, — говорю я, — шнур есть?

— Там, — кивает на сумку абрек.

Ну, там — так там. В сумке помимо тротила штатные ЗТП и прочая нужная ерунда (эх, подвесить бы за причинное место продавца этого товара, но да ладно). Вход оказался в подвале, что, впрочем, и неудивительно. Итак, сумку к выходу, ЗТП — полтинник, хватит, должно хватить, зажигаю и ходу. В подвале, возле полок, в дальнем углу машет рукой Рашид, без слов ныряю за ним. Предусмотрительный народ, однако, горцы или с нохчей пример взяли ходы рыть, но сейчас это даже хорошо. Единственное, что раздражало — это магазины: длинные как падла. К РПК — в самый раз, но к АК... Рейнджеры херовы. Сколько взрыва не жди, а бахнет всегда неожиданно, это проверено. Ухнуло хорошо, жаль, конечно, времени маловато было, но и так неплохо.

Выскакиваем на свет божий, короткая перебежка и мы, как я понял, на другом участке. Ваха бежит первый. Слава аллаху, что тут вид бегущего с оружием не удивляет, поэтому попетляв по частному сектору, наконец-то остановились практически у такого же, как и Вахи дома. Парочка быстро поговорила и Ваха стучит в ворота... Короткие переговоры — и вот мы уже во дворе дома.

Хозяин дома по внешнему виду ничем не отличался от боевика, поэтому я машинально снимаю автомат с предохранителя. Хозяин заметив это, понимающе усмехается и же-

стом приглашает в дом. Опять же, после местного наречия, хозяин соизволил снизойти до меня.

— Ты что ли в бегах? — спрашивает он у меня.

— А что, кто-то другой есть? — так же вопросом отвечаю я.

— Я у тебя спрашиваю, и ты мне ответишь. — чуть со скрытой угрозой говорит хозяин.

— Да, я в бегах. И сразу говорю: я ваши макли боком, мне в часть надо, долги вертать. — вполне миролюбиво говорю я, ибо обострять ситуацию — ну совсем не в моих интересах. Горец или как его там, даже как-то по-киношному хлопнул в ладоши и две молчаливые тени быстро накрыли «поляну». Сколько я не пытался понять, кто и что из себя представляет человек, принявший нас, не получалось, поэтому решил оставить это дело на потом. Из разговора (вернее, из Рашидовских пояснений) я понял лишь одно: один род наехал на другой из-за торговых точек, а так как наехавшие имели родственника самого Аушева — значит были вправе, но другой род имел в родстве Гантимирова, что тоже не сахар.

В итоге я не выдержал:

— Вы извините, уважаемые, ваши родовые разборки мне, как говорится, до фонаря. Вы мне ответьте, мне-то что делать?

— Живи пока. — милостиво разрешает хозяин дома.

— От спасибо... — отвечаю я, — Нас тут дядя Рашида вломил — и по хер дым, что родственник; у Вахи дом дого-

рает; я вообще, как хрен в рукомойнике... И мне «живи пока»? Да уж, спасибо...

— Дом Вахи мы по программе пустим, как пострадавший от войны. Денег дадут — он два построит, — важно заявляет хозяин, — это я как замглавы района говорю...

«Понятно, — думаю я, — ещё только этого не хватало». Но то, что он предложил, добило окончательно:

— С гуманитаркой до Моздока отправлю, а там сами знаете что делать. А пока отдыхайте.

Вскоре я опять в похожей комнате, но уже с автоматом, что немного, но радовало. Быстро проверив, убедился, что работает, а пристрелять — дело времени.

— Ночью в Моздок. — сообщает мне Рашид, появившись в проёме дверей.

— Я где-то уже это слышал. — вздохнул я в ответ.

— Нам повезло. — не замечая моего настроения продолжает Рашид, — У дяди три завода. У него знаешь, сколько рабов? — с гордостью, замешаной на зависти, говорит мой товарищ.

— И чего? — с наивностью дурачка спрашиваю я.

— Так, ничего... А где ты так с тротилом работать научился? — подозрительно смотрит на меня Рашид.

— В школе, блин, на уроках НВП. — усмехаюсь я в ответ. — Ваха же пробил за меня, чё тебе надо?

— Да так, интересно.

Рашид с секунду молчит, потом добавляет:

— Интересный ты какой-то.

— На себя посмотри, — отвечаю я, — московская прописка, водка жрал, баб топтал... На кой хрен попёрся? Скажи, Рашид, на хрена это надо?

— Не знаю, скучно просто... — нерешительно отвечает он.

— Ага, зато тут весело, аж охренеть можно. — киваю я, — Да просто всё... Знаешь, мне когда-то сказали самое главное — себе не врать. Так вот, ты понимаешь, что тебя как деревенского дурачка развели? Мол, деньги, бабы, рабы, как у дяди на заводиках... Так вот, я хочу тебя обрадовать: всё это будет, но не у тебя. У тебя же в лучшем случае, могила на кладбище, в худшем — прикопают тебя в лесу и вся песня...

После моих слов Рашид с минуту постоял, потом произнёс:

— И что теперь?

— Не знаю, честно не знаю, — искренне ответил я, — просто жить, вопреки всему. Не назло, пойми, а вопреки. И помни: что бы ни случилось, ты отвечаешь только сам себе...

— Знаешь, Толян, — Рашид первый раз назвал меня по имени, чем даже удивил. — я не верю. Ни Вахе, ни дяде...

— Это нормально. — отвечаю я, — Если есть варианты — предлагай...

Вскоре, выкурив почти все оставшиеся у меня сигареты, мы выработали весёлый план. С гуманитаркой уходить, конечно, заманчиво, но, как говорится, палевно, поэтому нуж-

ны колеса, ну и деньги. И если с первым особых проблем не возникает, то вот со вторым...

— У дяди спроси, — предлагаю я.

— Не даст. — с досадой говорит Рашид, потом на мгновение «зависает», — Я сам у него возьму...

— Рашид, обратного хода не будет, — качаю я головой.

— Из-за него и таких, как он, а... Короче, где деньги я знаю, валим обоих и валим. — сверкая глазами говорит Рашид.

— Да, брат, а ты — конченная скотина, — резюмирую я.

— Да хрен с ним. Скотина или нет — потом разберёмся, а сейчас давай думать и рвём отсюда...

Веселуха

Думали долго, но, по обычаю, решили ждать удобный случай, а так как рушатся самые продуманные планы, решили полагаться на так называемый экспромт. Пока суть да дело, в дверях показался Ваха, с озабоченным видом он, будто не замечая нас, прошёл к окну и, встав сбоку, стал всматриваться в даль.

— Ваха, что-то не так? — интересуюсь я.

— Всё не так. — соблаговолил ответить дитя гор, мать его растак.

— Надо валить. — говорит он через паузу.

«Во блин, — думаю про себя, — национальная кавказская идея — валить, или кого или куда, но валить». Но вслух ко-

нечно я этого не сказал, просто промолчал. Ваха, не дождавшись ответа, продолжил.

— Когда они (они, я так понял зам главы и прочие) качали «воздух», мы были им не нужны, а теперь, когда война, мы опять братья...

Я лишь вздохнул, история стара как мир, — Тебя, Ваха, к кормушке не допустили, ибо ты рылом не вышел, да и сейчас то терпят еле-еле, но право слово, не самому же заму под пули лезть. Не по статусу как-то...

— Короче, что делать? — спрашивает Рашид.

— Валишь. — поморщившись отвечает наш друг.

— Это я понял. Так давайте валишь. — не выдержав говорю я и встаю с места, — Ну че, погнали?

Глядя на их лица я добавил. — Че стоим, кого ждём?

Первый решился Рашид, также встаёт и произносит, — Пошли.

Не дожидаясь Ваху мы спускаемся вниз по лестнице; дом как будто вымер, третьего нашего нет и хер с ним, выходим во двор, в вольере крутятся две псины размером с телёнка.

— Подожди, я сейчас. — произносит Рашид и возвращается в дом. Оставаться наедине со зверюгами, хотя и в вольере, мягко говоря неуютно, но что делать.

Хлесткий выстрел заставляет меня вздрогнуть. Ноги сами несут меня в дом, на пороге никого, в доме тишина, но где-то же, сука, стреляли. Второй выстрел отчётливо и на втором этаже, через ступеньку бегом, в комнате картина мас-

лом, причём красным, — лежит Ваха и Рашид судорожно собирает что-то в пакет. Увидев меня кивает на соседнюю дверь, в приоткрытую дверь вижу ноги, — «ботинки то не дешёвые», — почему-то мелькает мысль.

— Валим, теперь валим. — спокойно, вполголоса говорит Рашид. Обратный путь гораздо быстрее; Раш уже по-хозяйски ключом заводит неприметную белую «Ниву».

— Давай, времени нет! — торопит он меня; не успели выехать за ворота, я услышал истошный женский даже не крик, скорее вой; Рашид выругался по-своему и только прибавил газа. Слава Аллаху, что быстрой ездой и отсутствием знания ПДД никого на Кавказе не удивишь, поэтому Назрань проскакиваем довольно быстро; дорога практически ровная, холмы да и небольшие толи рощи толи хрен знает что, по сравнению, конечно с рядом стоящей Чечней, нищета.

— Через полчаса блок пост, — кричит Рашид, — там менты, но наши ингушские, надо проскочить.

— Надо так надо, а как? — ору в ответ и я.

— Назад посмотри! — усмехается мой товарищ. На заднем сиденье необходимые аксессуары нормального зам главы администрации любого кавказского района: автомат разгрузка и так, по мелочи.

— Есть план? — кричит Рашид, глядя, как я примеряю автомат и разгрузку на себя.

— Есть на жопе шерсть, гони и не останавливайся. — говорю уже я.

— А ниче, что там менты, свои вроде? — опять скалиться Рашид.

— Побольше таких своих, враги на хрен не нужны. — со злостью отвечаю я. — Кстати, сколько ещё постов?

— До Моздока ещё пара, кажется. — понимая мою задумку отвечает Рашид. Пока болтали, впереди замаячили бетонные блоки блок поста. Сам пост больше походил, конечно, на мини рынок, но это нам и на руку, — бойницы и их содержимое, если и были, то направлены в другую сторон... Ну, а теперь начали: я отцепляю две РГД от разгрузки; Рашид даёт газку и, поравнявшись с первыми блоками, выкрашенными в красные полосы, в открытое окно полетела первая, за ней вторая, гранаты.

— Ходу, Рашид, ходу еб твою мать! — ору я и, до кучи, даю очередь в сторону вагончиков. Неожданность — великая сила, блок мы проскочили; Раш гонит, как в последний путь, даже, если кого и зацепили или даже убили, плевать, потом забегу, если останусь жив, батюшка за денежку и не то простит, а с богом у меня личные отношения.

— Твоё счастье, что там мусора. — с людоедской ухмылкой кричит Рашид, — Был бы наш СОБР, нам всё...

— Угу, — отвечаю я, — знаю, видел. Почему-то вспоминаю, как мы с разведкой дали от души невовремя нарисовавшимся толи СОБРу или ОМОНу республики Ингушии; а что было прикажете делать, на БТРе, в джинсах, в кроссах нарисовались псы войны, блин.

— Там дальше ваши стоят. — прерывает мои воспоминания Рашид, — И?

— Гони давай, икает он тут. — ворчу я. Если мои нахальные предположения верны, то и этот пост мы проскочим, два фактора, менты и командировка, помирать никто не хочет, тем более тут, в спокойной Ингушетии, они на блок постах пьют винище и устраивают фотосессии вперемешку с пьяным мордобоем. Так, в принципе, и получилось, последняя РГД и длинная очередь, на всякий случай по верху вагончика, и вот мы на оперативном просторе. Через пяток километров, решив не искушать судьбу, съехали с дороги в кусты, хотя назвать то кустами язык не поворачивается, бросаем машину, из двух эфок оставляю все две, автомат — весло (везёт мне на весла однако, хотя и АКМ), беру с собой.

— Сейчас идём туда. — машет рукой куда-то Рашид, — Давай, бегом. — и вскоре мы уже теряем из виду и дорогу, и машину.

— Хорошо, что туман пока. -хрипит на бегу Рашид. Я лишь киваю, давно не бегал, однако, а туман да, хорошо; зная наших летунов им туман за радость, пей не хочу, лететь никуда не надо. Сбившись со счета подъёмов и спусков, неожиданно выскочили на ещё одну дорогу.

— Всё, тут автостопом. — выдыхает Рашид, — Ствол выкинь. — тычет он на мой автомат.

— А ты? — спрашиваю я, намекая на то, что из чего он Ваху то грохнул.

— На, держи. — усмехается он и протягивает мне макара,
— Не ссы, я себе ещё найду, просто я тебе нужен, а ты то мне нет.

Я мысленно соглашаюсь, беру молча пистолет, а не нужный автомат просто закидываю подальше.

— Затвор бы хоть снял. — советует Рашид.

— Делать больше не хрен. — ворчу я в ответ.

Кстати потом, спустя очень много лет, начальник службы безопасности (бывший мент кстати) в красках рассказывал о прорыве боевиков через блок пост; по его рассказам вышло, что нас с Рашидом было не меньше сотни, на джипах и все с пулемётами и пушками, и бой был жестокий, я же делал круглые глаза и с открытым ртом слушал откровения нашего рембо. Но это было потом, а пока, мы в ожидании попутки просто лежали и дышали воздухом... Веселуха.

Туман стоял плотной стеной...

Угрызений совести не было, хотелось просто насладиться тишиной.

— Слышь, а ты чего вообще ничего не спрашиваешь? — слышу вопрос Рашида.

— А зачем? — лениво говорю я, — Правды ты не скажешь, а ловить тебя на вранье не хочется.

— Станный ты, — через некоторое время говорит опять Рашид, — другой бы задолбал вопросами.

— Тебе чего, поговорить не о чем? — одергиваю я его. —

Если хочешь — то считай, что мне по хрен...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.